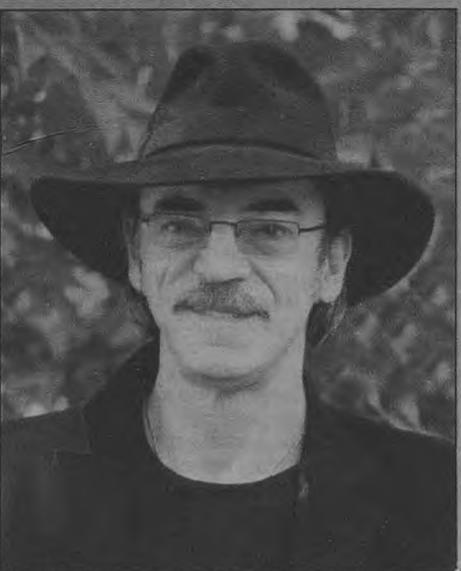

МИХАИЛ БОЯРСКИЙ:

"САША УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ, И Я СТАЛ ТУПОЙ, КАК АВТОБУС"

МНОГИЕ поклонники Михаила Боярского не подозревают, что у него был родной брат. К сожалению, судьба распорядилась так, что Александра Боярского не стало в 1980 году. Он трагически погиб на гастролях в Болгарии. В начале июля нынешнего года Александру Боярскому исполнилось бы 65.

О СВОЕМ БРАТЕ, об удивительной артистической династии, необычных семейных отношениях сегодня размышляет народный артист России Михаил Сергеевич Боярский.

- Мы с моим братом Александром, названным в честь деда, происходим из старинного рода Боярских. Наш дед, архиерей Православной церкви, служил в Санкт-Петербурге, Петрограде, Ленинграде и был расстрелян коммунистами. Об этом даже есть упоминание в книжке "Ленин и ЧК". Трое его сыновей стали драматическими актерами - Сергей Александрович, мой отец, Николай Александрович и Алексей Александрович, а еще один, Павел Александрович, - ученым. Актером стал и мой старший сводный брат Александр.

Сашка начинал в Театре имени Ленсовета у Игоря Петровича Владимирова, играл там в "Чертовой мельнице", потом его пригласили в Пушкинский (ныне Александринский) театр, где он запомнился мне в "Танцах на шоссе". Затем брат уехал в Ригу, к Кацу, в Театр русской драмы. Там у него были очень серьезные работы, все его любили... Я был на похоронах, мне показалось, пришла вся Рига!

Брат был для меня в детстве кумиром. Сашка на десять лет старше меня, и при вечно занятых родителями-актерами он невольно становился моим воспитателем. Точнее, воспитывали меня папа с мамой, а я во всем подражал брату. Он был чрезвычайно эрудированный, начитанный, умный

человек, который сам мог спокойно выучить французский, а приехав в Ригу, играл там не только на русском, но и на латышском. Читал в подлиннике Экзюпери, играл на фортепиано - и этому научился сам. Друзья из других городов, разгадывая какой-нибудь мудреный кроссворд, могли позвонить ему в два ночи, и, сонный, он называл нужное слово. Не находилось такой области, где бы он был несведущ.

Однажды повел меня в Эрмитаж "просвещаться", так как считал меня недоразвитым, издевался надо мной всячески, подкалывал. После этого мы собрались ехать домой на Благодатную, но не обнаружили в карманах ни копейки денег. Я попробовал было вскочить в троллейбус и проехать "зайцем", но Саша тормознул меня: "Так нельзя! Пойдем пешком". Путь до дома занял часа три...

Мог не спать ночь, две, три. Будил меня: "Поехали встречать рассвет!" И мы отправлялись в Пушкин, Павловск, где гуляли уже в шесть утра.

Внешне тоже был интересней меня - высокого роста, гибкий, стройный. Интеллигентный человек такой, серьезной породы. Я по сравнению с ним был увальнем, полным скобарем. Мне казалось, Саша прочитал все книги, которые существуют на свете. Читал по ночам. Я засыпал, а он читал. Я просыпался - он все еще читал.

Он так и остался для меня недосягаемым...

Он пользовался большим успехом у женщин и сам был довольно любвеобильным, однако никаких разговоров о женщинах у нас с ним не было. Никакой пошлости, никаких уроков секса он мне не преподдал. Однажды я попытался завести разговор на эту тему, но он улыбнулся: "Женщины, Миша, - это святое. Ты понял это? А теперь пойдй погуляй".

Я был влюблен в него по уши. Ни с кем в жизни у меня не было и нет такого взаимопонимания. Мы как сиамские близнецы, хотя с разницей в десять лет. Он - самое лучшее, что было в моей жизни, моя вторая половина и даже больше, чем половина. Мне было невероятно удобно, что у меня есть такая стена, такая поддержка, такой интеллект.

Он жил с нами, пока не устроился в общежитии Театрального института на Моховой. Мы умещались впятером (папа, мама, бабушка, я и Сашка) в шестнадцатиметровой комнате. Жили мы тогда на первом этаже на Гончарной улице в коммуналке на пять соседей. Чудовищные условия, но было безумно весело, дружно, да я и не знал, что бывает по-другому. Моя мама воспринимала Сашку как родного человека, очень любила его. Это отношение перешло и на его супругу: когда Саша погиб, то мама стала дружить с Ольгой, которая вернулась в Ленинград и живет сейчас здесь.

У Сашки были рижские корни. Его мать, первая жена моего отца, я называл ее "тетя Эльга", жила в Риге. Несмотря на то что родители развелись и потом папа женился на моей маме, а Эльга вышла замуж за Жана, они очень часто собирались вместе и, можно сказать, дружили семьями. В моем восприятии это была одна большая, дружная семья.

Мне было то ли два, то ли три года, когда нас с Сашкой познакомили впервые. Я, конечно, не помню, как это произошло, но взрослые потом рассказывали, что Сашка схватил меня, обнял с восхищением: "Ух, это мой брат!" Обрадовался, что у него есть брат. Когда мне было лет пять, Саша прислал свою фотографию, а сам почему-то не приехал. Я его ждал - не дождался и с досады взял авторучку и стал тыкать ему

в глаза... Кстати, эта разрисованная фотка где-то у меня сохранилась, а вот совместной нашей фотографии с Сашей как не было, так и нет. Мы были тогда молодые, и в голову не приходило фотографироваться на память. У меня есть только одно письмо от него, которое я получил, когда попал в больницу после аварии.

Думаю, рано или поздно я бы перетащил его в Питер. Я был бы счастлив сейчас купить ему квартиру, машину, обустроить его быт так, чтобы брат, не зная забот, жил только творчеством. Я бы ему все отдал! Внешне он был совершенно не приспособлен к жизни, к реальному быту. Но я приведу вам сейчас цитату из Льва Николаевича Толстого: "Нет более ненужного дела, как приобретение себе, удержание или увеличение богатства". А ведь сейчас это приобретение, удержание и увеличение является наиболее важным для всех. Насколько же мы тупее Толстого и других философов! А вот Сашка думал так же, как они...

Они приехали с трупом в Болгарию, на Золотые пески, все бросились в море, была штормовая погода, вдруг ему стало с сердцем плохо, он не справился с волнами и утонул...

Конечно, судьба его трагична. И не только из-за происшедшего в Болгарии. Слишком уж много в нем было донкихотства, а с такой открытой душой и такими принципами долго не живут. Жизнь обязательно губит таких людей. Нужно быть себе на уме, держать нос по ветру и что там еще, нужно заниматься накопительством, удержанием и увеличением. А если занимаешься своим сердцем, если честен, непродан, если движешься к Богу, то это - жертвенный путь. Если что-то хорошее в моей жизни было, так это - брат. Когда он был рядом, то и я смотрелся более-менее достойным человеком, интересовался литературой, живописью. Но Саша ушел из жизни, и я стал тупой, как автобус. Мне теперь не с кем поговорить. Все вокруг твердят о курсе доллара, о спорте, бабах, политике. У Саши же была другая сфера - духовная. Которую я потерял с его уходом.

Записал Михаил САДЧИКОВ

Фото из спектаклей с участием Александра Боярского в период его работы в Рижском театре русской драмы.